

ПОЭТЫ
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
XIX век

* * *

Хрестоматия

Часть II

Составитель – С. Ю. Баранов

K1441619

ВОЛОГДА
2005

Николай Александрович Иваницкий

РОДНАЯ ДОЛИНА

Цветут цветы в родной долине;
Не для меня они цветут;
И птицы вешние поют,
Но голоса их не дойдут
До слуха друга на чужбине.

Родные там томятся очи.
С каким вниманием они,
Припоминая счастья дни,
Тоской мучительной полны,
Глядят в туман прозрачной ночи.

Не плачьте! Жизнь еще пред нами.
А с вами я мечтой своей
Живу, брожу среди полей,
Я слышу звук родных речей,
Сижу, невидимый, меж вами.

* * *

В окна застывшие смотрит угрюмая
Темно-морозная ночь;
Боли глубокой, навеянной думами,
Я не могу превозмочь.

Пала на долю мне жизнь одинокая,
Грусти тяжелое бремя;
Вспомнил невольно я время далекое,
В вечность ушедшее время.

Образы светлые, речи веселые,
Юности чудные грезы!
Рано сменили вас думы тяжелые,
Залили горькие слезы.

Утро подымется ярко-отрадное,
Сумрак прогонит ночной;
В сумрака царство, о ночь непроглядная,
Я улетел бы с тобой!

1869

ПРИМЕЧАНИЕ. В рукописном сборнике, составленном Иваницким в 1888 г., к тексту стихотворения сделана сноска: «Положено на музыку Макаровым под названием “Пала на долю мне жизнь одинокая”».

* * *

Мороз, и мрак, и тишина
Над бедным, сонным городишкой;
Свеча мелькает лишь одна
В окне углового домишка.
Тот домик – тихий мой приют;
Свет – в комнате моей убогой.
И долго жил, и думал много,
И перечувствовал я тут.

Как часто, просидев весь день
Один над книгами своими,
Когда спускалась ночи тень,
Томимый думами глухими,
Я на дорогу выходил,
И долго, долго в ожиданье
Ночные звуки я ловил.
Полна горячего желанья,

Душа летела в край иной,
Вослед тому, кого напрасно
Я ждал к себе с такою страстной,
С такой мучительной тоской.

Теперь все то же. Та же келья
И те же книги предо мной,
Но тот один, кто мог веселье
Внести ко мне душой живой, —
Он за далекими морями,
Как я, быть может, со слезами
Глядит, тоскуя, на восток
И ждет желанного рассвета,
Как ждет лучей дневного света
В ночи раскрывшийся цветок.

ПРИМЕЧАНИЕ. В «Записках» Иваницкий так рассказывал о состоянии одиночества, владевшем им во время пребывания в Тотье на положении ссыльного: «Когда наступали сумерки, то делались приступы тоски, иногда до того тяжелые, что я плакал. Эти переходы от света к мраку и утром от мрака к свету я вообще никогда не любил и впоследствии принял за правило избегать их по возможности: как только садилось солнце, я спускал шторы и зажигал огонь, а утром сидел с огнем до полного рассвета».

* * *

Н. А. Г — т

Ты говоришь: «Как пленный лев
Я чахну медленно в неволе,
А если б вырваться я мог,
То гибель ждет меня и в поле».

Во-первых, вовсе ты не лев
И добровольно здесь томишься,
А если в поле не бежишь,
То потому, что львов боишься.

1870

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресовано ссыльному Н. А. Гернету, бывшему студенту Петровской академии в Москве, с которым автор стихотворения подружился в Тотье.

ПО ПРОЧТЕНИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Твои стихи – как озеро пресное,
Раскинулись в песчаных берегах.
Бредешь, бредешь, и плоская мыслишка
Мелькнет порой, как рыбка на волнах.
А где поглубже, там между камнями
Зеленый рак грозит тебе клешнями.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Полонский Яков Петрович* (1819 – 1898) – поэт и прозаик, автор популярных лирических стихов, положенных на музыку и ставших народными песнями.

* * *

Бедняк в изгнание умирал
От тягостной душевной раны;
Сверчок отходную читал,
А отпевали тараканы.

За гробом пес скакал хромой,
Над гробом слов не говорили,
И только кошки в ночь гурьбой
Поминки слезные творили.

<1871>

ПЕСНЯ НИЩЕГО

Блажен, кто в жизни никогда
В лакеях не служил,
Кто ничего ни у кого
Не брал и не просил,

Кто заработать мог кусок
В углу своем один
И был судьбы своей всегда
И жизни господин.

Блажен ты, нищий человек!
Спокойно ты живешь;
Тебе не страшен гнев людской,
И что с тебя возьмешь?

Одну лишь жизнь? Но что за жизнь —
Ряд долгих, скучных дней!
Я нищий сам, и, право, мне
Не жаль расстаться с ней.

Мне все равно — проснусь ли я
Назавтра, или нет,
И не могу понять, зачем
Родимся мы на свет.

СТЕПНОЙ ОГОНЕК

Видал ли ты в степи глухой
Порою бурною ночной
Вдали дрожащий огонек?
Твой скучен путь и одинок,
И, как в степи, в душе твоей
Холодный сумрак зимних дней.
Но тот далекий, тусклый свет
Отрадный шлет тебе привет.
Следишь за ним с надеждой ты,
И роем светлые мечты
В душе проносятся твоей:
Ты там опять найдешь людей,
От ветра бурного приют,
Покой и сон тебя там ждут.
Но, между тем, средь темноты
Давно с дороги сбился ты;
К оврагу дикому привлек
Тебя коварный огонек,
И кони выбились из сил;
И ты невольно порешил
В степи угрюмой ночевать
И терпеливо утра ждать.

Сильней холодный ветер шумит;
Тоска сильней тебя томит;
И так же бледен и далек
Горит приветный огонек.

1872

ОТРЫВОК

Река изгнанья – Сухона. Она,
Однако ж, без сомнения, прекрасна:
То меж холмов спокойная волна
Чарует взор, то между гор опасный
Порог шумит, и внемлет глубина
Ему лесов сосновых; то обитель
В лучах вечерних изумленный зритель
Перед собою видит, как сквозь сон,
И за стеной высокой слышит он
Призывные, таинственные звуки,
Понятные его душевной муке.

То – деревенька красная глядит
С высот крутых на волны голубые;
То – водопад в расселине шумит;
То, – спрятавшись за сосны вековые,
Рыбацкая избушка точно спит.
То – мирные, то – грозные картины!
Дивуешься на камни-исполины,
Что здесь и там на берегу лежат
Иль из воды, как чудища, глядят.
Вода меж ними и кипит и вьется,
И горе судну, коль на них наткнется.

То – островов зеленых светлый ряд,
Прибежище пугливой водной птицы;
Здесь голоса и день и ночь гремят;
И люди не зайдут сюда, убийцы,
И мирных гнезд ее не разорят.

.....

Здесь полукругом высится стена,
К реке обрывом страшным упадая;
Под ней летит и пенится волна,
«Святую» гору круто огибая.
Взяла тут много жизней глубина,
И много тут стихии грозной сила
Судов больших и малых сокрушила.
Дном золотым Опоки прозвались
У жителей окрестных. Разжились
Они на счет несчастья другого;
Ученье это, кажется, не ново.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Опоки* (Опока) – крутая излучина в нижнем течении Сухоны, опасная для судоходства. Эту природную достопримечательность Вологодского края дважды описал в своей «Автобиографии» дядя поэта, Н. И. Иваницкий. В начале 1820-х гг., будучи ребенком, он проезжал Опоки на речном судне, которое тащили шедшие по берегу лошади: «Как теперь вижу эту ужасную скалу, нависшую над водою; река делает крутой поворот кругом этой скалы и между каменистыми порогами образует опасные водовороты. Мы въехали в это место в ясный воскресный день, кажется, около вечереи, – и вдруг лошади, которые шли в ярмаках по узкой дорожке, под навесом скалы, упали на колени, потому что судно силою водоворота потянуло назад; работники едва могли ладить с рулем; хозяин – молодой человек и, как видно, довольно малодушный, совершенно растерялся; он встал на колени на палубе и молил о помощи. Маленькая моя, как женщина, тоже очень струсилась. Она держала на руках маленького моего брата и горько плакала. Женщина, которая была с нами, держала меньшую мою сестру, а старший брат, я и покойная сестра стояли кругом их и с любопытством смотрели на эту суматоху. Впрочем, тут шутки плохие: мы действительно были в большой опасности. К счастью, в деревне, находящейся на противоположном берегу реки, было гулянье. Много мужиков приехало оттуда в лодках; они пристегнулись к бичеве, и судно благополучно вышло из опасности. Помню также, что один мужик был очень пьян: он беспрерывно падал и шумел, как будто от него зависело наше спасение». Впечатления от Опок взрослого человека описаны Н. И. Иваницким так: «Окрестности превосходны: оба берега Сухоны круты и высоки; на них шумит густой лес. Есть много местоположений живописных... В горах как-то лучше дышишь: сердце лучше понимает природу. Есть много таких гор, на которых и сосны представляются с реки кустарником. В Опоке припомнил старину, как мы тонули с лишком 20 лет назад. Только место это совершенно не в таком виде осталось у меня в памяти. Скала саженей 15 вышины образует не выпуклую, а вогнутую дугу – здесь тонули мы; а подле нее – так называемая Медвежья гора. Она образует выпуклую гору; она вдвое выше скалы. На противоположном берегу такая же гора, называемая Порогом».

НА СУХОНЕ

Глядится полночь голубая
Ко мне в открытое окно;
В лесах, над тихой рекою,
Безмолвно, пусто и темно.

Лишь там, за красными горами,
Вдруг что-то глухо застучит,
В лесах откликнется, и снова
Все страшно-тягостно молчит.

Но вот опять... и вырастает,
Гудет, грохочет над водой...
Я поднимаюсь в изумленье, –
То пароход идет большой.

Река шумит и набегает
На берег, и о камни бьет;
Рыбак, сосед мой, пробудившись,
Бормочет: «Дьявола несет!».

ПОЛДЕНЬ

На склоне берега крутого
Стоит избушка рыбака;
Пред нею быстро, горделиво
Катится светлая река.

В лесу зеленом – песня птицы;
В ложбине – ропот ручейка,
А надо всем покров лазурный
И белой стаей облака.

Бежит челнок; пловец в нем дремлет,
Полдневный жар его томит;
С сосны кривой большая птица
За ним внимательно следит.

Замолкла песня. Лес зеленый
Не шелохнется; лишь ручей
Один журчит неугомонно
Волной холодною своею.

НА БЕРЕГУ КУБЕНСКОГО ОЗЕРА

Садилось солнце за холмами,
А между их, чаруя взор,
Открылось озеро пред нами,
Как синий бархатный ковер.

И там, где волны голубые
Сливались с небом золотым,
В неясных очерках, как дым,
Белели стены вековые.

Они, казалось, уплывали
И нас манили за собой
Под тихий свой приют святой
Из мира скорби и печали.

1875

ПРИМЕЧАНИЕ. *...белели стены вековые* – стены Спасо-Каменного монастыря на острове Кубенского озера.

ИЗ ЭЙХЕНДОРФА

Твой образ чистый, ясный
В душе моей сокрыт;
Он светлыми очами
В лицо мое глядит.
Родится в сердце песня
И в даль из уст моих
Летит к тебе, малютка,
На крыльях золотых.

<1879>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Эйхендорф* Йозеф фон (1788 – 1857) – немецкий писатель-романтик.

ИЗ МУРА

Прочь, прочь возьмите кубок,
Хоть и сверкает он.
Былых годов веселья
Он поднял чудный сон.
Он помрачил мне очи,
Слезами увлажнил,
Я образ в нем увидел,
Что некогда любил.

Припомню с каплей каждой
Друзей я дорогих;
Блеснут глаза усопших,
Зардеют губы их.
И если все я вспомню,
Что в жизни потерял,
Покажется мне полон
Слезами мой бокал.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Мур* Томас (1779 – 1852) – ирландский поэт.

ИЗ РЮККЕРТА

Новорожденное дитя,
Вступая в мир, кричит и плачет,
Как будто знает наперед,
Что жить – не радоваться значит,
Как будто зная, что ему
Здесь, на земле, всю жизнь придется
И ненавидеть, и скорбеть,
Что сердце рано разобьется.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Рюккерт* Фридрих (1788 – 1866) – немецкий поэт.

ИЗ ГЕЙНЕ

Что гнусно ты так поступила,
О том пред людьми я молчал,
Но вышел на синее море
И рыбам там все рассказал.

Я доброе имя оставил
Тебе на земле меж людей,
Зато уж во всех океанах
О низости знают твоей.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гейне* – см. примеч. к стих. Н. Бунакова «Из Гейне».

В ДОРОГЕ

1. Утро

Тонкий снежок на полях помертвельх;
Лужи прозрачным подернуты льдом;
Даль утопает в тумане холодном,
Мертво, и глухо, и пусто кругом.
Вьется дымок над деревней убогой;
Колокол где-то далеко гудит;
Длинный обоз по разбитой дороге
Тянется вяло, скрипит и стучит.

Кокошилово
7 ноября

2. В сумерках

О, где ты теперь, мой случайный,
Мой милый, мой ветреный друг?
Как свет полуночной зарницы,
Блеснул и исчезнул ты вдруг.
Бывают же люди такие,
Что самые слабости их

Для нас несравненно дороже
Высоких достоинств других!

Кокошилово

7 ноября

3. Ночь

Ночь зимняя, морозная;
Давно деревня спит.
Чу! колокольчик слышится,
В холодной мгле звенит.
Звенит и приближается...
И чудится, что вот –
Широко дверь откроется,
Желанный гость войдет;
Войдет с румяным личиком,
С кудрявой головой,
С приветливой улыбкою,
С горячею рукой.
И взглянут очи черные
Любовно и светло,
Обнимут руки верные
И крепко и тепло.
Полетится речь веселая,
Раздастся смех живой;
Тоску и мрак сомнения
Все снимет, как рукой.
Мелькнули тени черные
И – мимо. Звон лихой
Теперь все тише слышится
И тонет в тьме ночной.

Гробцово

11 ноября

4. Вечер

За рекой унылый колокол
Возвещает поздний час;

Стар и млад — все спят давно уже,
Мой же сон бежит от глаз.
Спите, добрые! Минувшее
Вам не тяжело вспомнать.
Вы живете, как былиночки,
Настоящим только днем
И сойдете в мрак ничтожества,
Не жалея о былом.
Говорят, что философию
Надо вашу перенять;
Трудовою жить минутою,
Не жалеть и не желать.
Если, в самом деле, счастье
В простоте заключено,
Почему же вам, философам,
Не принять ее давно?
Невозможно стать философом
Мужику в один прием;
А философу бы, кажется,
Стать нетрудно мужиком?
Нет! и от избы крестьянина
Счастье тоже далеко.
Трудно жить всему живущему,
Философствовать легко.

*Попчиха
12 ноября*

5. Мотив

Едем мы долго, и лес понемногу чернеет.
Крадутся сумерки тихо, как старость седая.
Небо над лесом висит полосой свинцовой;
Вкруг же безмолвье такое, что, кажется, будто
Кроме тебя никого не осталось в мире.
Кажется, лесу не будет конца и утонет
В сумраке самая жизнь незаметно и тихо.

*19 ноября 1886 года
Село Новое*

ПРИМЕЧАНИЕ. Цикл был опубликован в газете «Вологодский листок» после смерти автора в январе 1913 г. В рукописный сборник, составленный Иваницким в 1888 г., включены как самостоятельные тексты двух стихотворений этого цикла: «Ночь» под названием «В деревне» и с разбивкой на четверостишия, а также «Мотив» (оба датированы 1887 г.). *Гробцово* – возможно, ошибка в написании (следует читать Грибцово).

НА ПЕЧОРЕ

Вот желанная пустыня,
Вот дремучие леса,
Ширь и гладь реки безлюдной
И иные небеса!

Блещут снежные вершины
Недоступных, дальних гор;
Ах, на них налюбоваться
Никогда не может взор!

Вон за рощею кедровой
Струйкой синей всходит дым:
Там рыбак в своей землянке
Обитает нелюдим.

Стонут серые гагары
Над равниной водяной,
Нам назавтра предвещая
Дождь и ветер ледяной.

Вот и жаль угла родного!
Он опять в мечте живой,
Как вершина снеговая,
Блещет чудной красотой.

Он, как Тёлпоз, чист и светел,
Там тепло и ясны дни,
Как на Тёлпозе, живут там
Духи добрые одни.

1888

ПРИМЕЧАНИЕ. *Печора* – река на северо-востоке Европейской части России. *Тёлпоз* – Тёлпоз-Из (Непу-бы-Нер), самая высокая гора Северного Урала (высота 1617 м).

* * *

Я. К. Гроту

«Минутный призрак – жизнь земная».
Но тот велик тем боле был,
Кто своему родному краю
Минуту эту посвятил.
Кто жизнь свою лишь понимает
Как жизнь упорного труда,
И чья минута оставляет
Следы на долгие года.

1892 (?)

ПРИМЕЧАНИЕ. *Грот Яков Карлович* (1812 – 1893) – языковед, историк литературы, переводчик и поэт, академик Петербургской Академии наук. Первая строка – цитирование начальных слов его стихотворения, произведшего сильное впечатление на Иваницкого еще в детстве. Пересылая свое произведение адресату, Иваницкий писал: «оно, может быть, не так красиво по форме, но написано от души и выражает мое искреннее убеждение».

* * *

Слезы горячие, слезы святые твои!
В ночи бессонные много их, много лилося.
Их никому на земле осушить не пришлось:
Были у каждого горе и слезы свои.

Я им не верил, смеялся над ними порой,
Жалкий, не зная, что скоро тебя я утрачу.
Ныне в бессонные ночи, томимый тоской,
Слез тех следы, как святыню, целую и плачу.

<1897>

ПРИМЕЧАНИЕ. Лирический адресат стихотворения не установлен. Приводя этот текст во вступительной статье к собранию фольклорных материалов Иваницкого, Н. В. Новиков выражал сожаление, что при публикации его «Записок» в журнале «Север» в 1923 г. редакция «сочла необходимым исключить из них все то, что представляло, как она указывала, “узкосемейный интерес”, лишив таким образом читателей и исследователей возможности ознакомиться с некоторыми, быть может, существенными сторонами биографии поэта». В настоящее время полный вариант «Записок» считается утраченным.

ВЕЧЕРНИЙ КОЛОКОЛ

Из грустной мглы уединенья,
В себе лелея мысль одну,
Я на крылах воображенья
Лечу в знакомую страну.

Лазурью кроткою и ясной
Над ней простерлись небеса;
Такой мелодией прекрасной
Шумят зеленые леса.

Там над рекой с горы высокой
Вечерний колокол гудит;
Душе больной и одинокой
Как много звук тот говорит!

Промчится жизнь, и я, усталый,
Давно в могиле буду спать,
А в час вечерний в церкви старой
Все будет колокол звучать.

О, помяни, страна родная,
Того, кто верною душой,
Всю жизнь, участия не зная,
Трудился для тебя одной.

<1897>

Любимый уголок страны моей родной!
Как часто по тебе я плачу на чужбине!
Как часто я во сне и наяву мечтой
Переношусь к моей оставленной святыне.
За бедность горькую тебя я полюбил,
За то, что ты пригрел меня во дни несчастья.
И твой простой привет всегда дороже был
Мне страстных ласк любви и жаркого участия.
О, если б мог ты знать, как жажду я порой
Под сумрачную сень лесов твоих укрыться,
Забыть прошедшее, как сон души больной,
И с жизнью твоей своею жизнью слиться.